

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО, МОРДОВСКОГО И РУССКОГО ЭПОСОВ

Формирование умений студентов гуманитарных факультетов вузов находить сходства и различия в эпосе разных народов становится важной частью реализации в учебном процессе принципа диалога культур. В настоящее время окончательно утвердилось мнение, что наличие в мировом литературном процессе типологически общих явлений исключать сторону нельзя. Характерно в этом отношении наблюдение известного литературоведа М. Б. Храпченко: «Типологическое единство в литературе — общность не статическая, а динамическая. Это не замкнутая цепь, состоящая из одинаковых звеньев, а скорее своего рода спектр разных, находящихся в определенном отношении цветов» [1]. На наш взгляд, раскрытие семантики эпических образов невозможно в пределах одной национальной традиции, только типологический контекст позволяет определить систему нравственных ценностей, благодаря которой определяется своеобразие характера героя-воина, богатыря у разных народов. Поэтому работа по выявлению типологически общих черт и национальных различий в характерах эпических героев в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея», в русских народных былинах и мордовских народных эпических и исторических песнях представляется нам перспективной и целесообразной.

В исследованиях В. М. Жирмунского, Б. Н. Путилова, Д. С. Лихачева, Е. М. Мелетинского, В. Я. Проппа, рассматривающих памятники национальных эпосов на основе общей типологии эпического творчества, были открыты и введены в употребление такие категории, как «эпическое время и пространство», «эпическая сюжетика», «эпический герой», «эпический фон» и др. Поэтому прежде чем проводить сравнение, акцентируем внимание студентов на основных законах поэтики эпической литературы: устойчивость основных характеров, типов, сюжетов, художественных средств выразительности, использование «общих мест» (описания битв, пиров, снаряжения героев), употребление постоянных эпитетов и сравнений и пр. Однако следует принимать во внимание и уровни сравниваемых культур, специфику национального мышления.

Типологически общей функциональной чертой характера, составляющей основу эпических образов древнегреческого, русского и мордовского народов, является героизм. В Древней Греции представления о героизме в целом сначала были сформированы и отражены в мифах о борьбе олимпийцев с предыдущим поколением бессмертных — титанами и гигантами, а затем в мифах о появлении первых героев — Геракла, Тезея, Персея и др., уничтоживших многих хтонических чудовищ. С развитием общества и смелой мышления героизм мифологический, целью которого было гармоничное преобразование мира, переходит на качественно новый уровень и отражает новые представления о человеке, поэтому основной чертой эпической

героики становится представление о воинской доблести и чести, воссозданное в поэмах Гомера.

Эпического героя Древней Греции не мучат сомнения и колебания, его характер раскрывается в принятых решениях и последующих действиях. Монолитность и статичность образов Гомера может быть также объяснена тем, что его герои знают свою судьбу, принимают ее как должное и неизбежное, смело идут ей навстречу, поэтому им остается лишь наилучшим образом, доблестно выполнить свое предназначение. Именно это определяет национальный характер эпического героя Древней Греции, его красоту, величие и даже трагичность, поэтично воспетые в поэмах Гомера. Например, Ахилл знает, что ему предстоит погибнуть на Троянской войне, но не задумывается об этом в бою; Гектор предчувствует собственную гибель, однако продолжает защищать Трою.

В своих поэмах Гомер в большей степени акцентирует внимание не на божественном происхождении эпического воина, а на его принадлежности к аристократическому роду: Агамемнон — микенский царь, Менелай — спартанский, Одиссей — царь острова Итаки и пр. Однако в древнегреческом эпосе уже оцениваются не только физические качества героя, но и его личность в целом, так как уважение соплеменников предводитель любого из греческих племен мог заслужить только в сражении, совершая подвиги наравне с простыми воинами. Как, например, Диомед, сразивший десятерых могучих троянских мужей, не побоявшийся напасть на самого Гектора, ранивший Энея, обративший в бегство ударом копья его мать Афродиту и заставивший сбежать с поля боя самого бога войны Ареса. Именно эта поэтизация подвига человека, а не полубога, но тем не менее ведущего аристократическое происхождение, находит отражение в древнегреческом эпосе.

Среди эпических образов «Илиады» выделяется герой-полубог Ахиллес. Миф о необыкновенных событиях, предшествующих рождению славного воина, и получении им магической неуязвимости от матери-титаниды также был хорошо известен и популярен в Древней Греции. Необычное происхождение, исполинская мощь, безумная ярость — черты, подтверждающие его архаическую сущность и сближающие его с первыми мифологическими героями, в частности с Гераклом, который, судя по мифам, в припадке ярости убил детей своих и брата Ификла. Гнев Ахиллеса как раз и становится основной темой в поэме Гомера «Илиада» («Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»), а ее сюжет целиком строится на трех основных мотивах: ссора Ахилла с Агамемноном, гибель Патрокла, бой Ахилла с войском троянцев и Гектором. Главный герой «Илиады» не только силен и могуч, но и склонен к ослепляющей злобе и мести. Гомер особенно подчеркивает эту черту характера Ахилла: сначала он гневается на Агамемнона, забравшего у него Брисеиду, и готов убить «пастыря народов Атрида», потом, мстя Гектору за смерть друга Патрокла, оскверняет тело врага и отказывается от его похорон, тем самым он нарушает нравственные законы, обрекая душу Гектора на вечные муки.

На переходный характер эпоса Гомера от «архаического» к «классическому» указывает и тот факт, что в поэмах Гомера значительная роль отведена богам, чье влияние на судьбу людей все еще ощутимо. Ярким примером тому служит десятилетнее путешествие страдальца Одиссея, описанное в другой поэме Гомера. Судьба героя решается олимпийцами не согласно его роли в окончании Троянской войны (именно он предложил соорудить троянского коня), а потому что ему суждено странствовать. Таким образом, эпический герой в поэмах Гомера не свободен в своих решениях, но его внутренняя сущность и та сила, которую героический эпос именует судьбою, совпадают.

Однако эпоха древнейших языческих мифов уходила в прошлое, а с ней и титанические образы, на смену которым приходили характеры героические. В русском эпосе именно Илье Муромцу было суждено заменить богатыря первого поколения Святогора, воплотить в себе лучшие идеалы народа, его понятия о добре и зле, о верности родной земле, о богатырской удали и чести. У всех русских богатырей (Добрыня Никитич, Алеша Попович, Василий Буслаев, Дунай Иванович и др.) много общего, однако образ каждого из них глубоко индивидуален.

Остановимся подробнее на характеристике Ильи Муромца. Внешне он ничем не отличается от обыкновенных людей, даже подчеркивается его крестьянское происхождение. В былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» князь Владимир называет его «мужиком», «мужичишко-деревенчиной». И все-таки этот образ имеет некоторые древние черты, например, герой может в одиночку одолеть войско, пользуясь архаическим оружием — дубиной или трупом врага (например, Геракл также оглушает немейского льва ударом палицы). В былине «Исцеление Ильи Муромца», открывающей эпическую биографию богатыря, акцентируется внимание на его нескрушимости:

*Не писано тебе, старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Не писана тебе смерть на убоищи [2].*

Исследователь русского эпоса Б. Н. Путилов подчеркивает, что «от старого эпоса перешли представления о непомерной физической силе и связанных с ней возможностях богатырей, однако сила эта одновременно получила ограничения» [3]. В эпической биографии героя важным становится не только чудесное получение силы, но и встреча со Святогором, от которого он перенимает только половину мощи, избегая превращения в такого же великана. Анализируя этот образ, Б. Н. Путилов пишет: «Возможно, что мифологическим предшественником Святогора было хтоническое существо, враждебное людям...» [4], поэтому, несмотря на некоторые архаические черты, центрального персонажа былин киевского цикла Илью Муромца можно считать героем нового типа, ярко и выразительно воплотившим основную идею русского эпоса — идею защиты родной земли. Чаще других богатырей выступает он как отважный и осознающий свой долг страж Русской земли, он — защитник вдов и сирот. Гордость, самоуважение отличают этого героя,

однако Илья Муромец легко забывает обиду, когда речь идет о беде, нависшей над родной землей, призывает других богатырей встать на защиту не князя Владимира или княгини Опраксы, а всей Русской земли (вспомним, что Ахиллес в «Илиаде» так и не может простить личное оскорбление Агамемнону, да и воевать снова он выходит по субъективным причинам — отомстить за смерть Патрокла).

Подобной популярностью обладает герой народных эпических песен Тюштя — верховный предводитель и царь мордовского народа. По свидетельству А. И. Маскаева, «большинство произведений о Тюштiane древнего происхождения, но преобладающая их часть, в дошедшем до нас виде, несомненно подвергалась неоднократной переработке, более поздним переосмыслениям...» [5].

Как и Илья Муромец, Тюштя также имеет крестьянское происхождение, об этом говорится в песне «Инязоро-каназоро» («Царь-государь») [6]. А. М. Шаронов в монографии «Мордовский героический эпос: сюжеты и герои» убедительно доказывает, что «Тюштя приобретает героические черты после избрания его царем... из обыкновенного человека он преобразуется в богоподобного правителя, способного творить чудо» [7] и управлять явлениями природы. Избрание пахаря Тюшти на роль предводителя мордовского народа связано с чудом, оно происходит после того, как сухая палка пускает корни и дает ростки. Включение подобного мотива ведет к реализации главной идеи — идеи божественной, судьбоносной предуганности и неизбежности появления мордовского героя. «С избранием инязора у эрзян начинается нормальная жизнь, спокойная и благополучная. Условие тому — высокий разум Тюшти, следование вере Инешкипаза, непоколебимые нравственные устои людей, дисциплина и порядок в обществе» [8]. А. И. Маскаев в монографии «Мордовская народная эпическая песня» отмечает: «В современных мордовских языках “ине азоро” (великий хозяин) звучит как “инязоро” и осознается в эрзя-мордовских диалектах как “царь”... поэтому и фраза “Тюштя инязоро” воспринимается как “царь Тюштя”» [9]. На наш взгляд, способность творить чудеса позволяет определить Тюштю не только как царя, предводителя мордовского народа, но и как демиурга — создателя общественных устоев и хранителя нравственных ценностей.

Итак, в программную характеристику мордовского эпического героя входят гиперболическая сила, безоглядность решений, прямота (в отдельных случаях она может сочетаться с хитростью), открытость и некоторая резкость суждений. Как и герои древнегреческого и русского эпосов, Тюштя силен, смел, мужествен, прекрасно владеет оружием, бесстрашен в бою. «Он велик не только на ратном поле, но и в ежедневном служении народу и в защите тех, кто сам себя защитить не может», — убеждает нас А. И. Маскаев [10]. Однако при наличии общих черт с другими эпическими героями, этот образ имеет и принципиальные различия, что обусловлено национальными особенностями характера. Если герои древнегреческого и русского эпосов воинственны, проявляют свою доблесть в сражениях, то Тюштя прежде всего — пахарь, руководитель, жрец, а затем только воин. Его сила в под-

держке богов и сплоченного им мордовского народа. Таким образом, в данных народных эпических песнях о Тюште заложена идея ценности мирного крестьянского труда, который эрзяне и мокшане ценят выше воинского, а в самом его образе отражается нравственный идеал мордовского народа — труженика, способного объединить народные массы.

Итак, проделанный анализ позволяет сделать выводы о несомненном сходстве характеров древнегреческого, русского и мордовского эпических героев, наделенных силой, воинской доблестью, неукротимой энергией, гордостью и олицетворяющих в монументально идеализированной форме норму поведения человека героического, воинского века. Далее круг типологических схождений может быть расширен при сопоставлении фактов эпической биографии героев. Принимая во внимание уровни сравниваемых культур, мы с полным правом утверждаем, что однотипные явления в эпическом творчестве разных народов всесторонне раскрываются через выявление национальной специфики.

Примечания

1. *Храпченко М. Б.* Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1977. С. 257.
2. Былины: Сб. / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. Л., 1986. С. 52.
3. *Путилов Б. Н.* Былины — русский классический эпос // Былины: Сб. Л., 1986. С. 20.
4. Там же. С. 497.
5. *Маскаев А. И.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. С. 179.
6. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Эпические и лироэпические песни. Саранск, 1963. Т. 1. С. 247–251.
7. *Шаронов А. М.* Мордовский героический эпос: Сюжеты и герои. Саранск, 2001. С. 141.
8. Там же. С. 115.
9. *Маскаев А. И.* Указ. соч. С. 177.
10. Там же. С. 189.

© Красильникова С. В.
г. Сыктывкар

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ТЕКСТЕ РУССКОГО СЕВЕРА*

В современных региональных исследованиях все чаще на первый план стала выдвигаться проблема исторической памяти как составной части мировоззрения и самосознания севернорусского населения. С этой точки зрения под исторической памятью понимаются представления народа об общности происхождения и общем историческом пути. Эти представления со-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 06-04-41410 а/С.